

Новые Известия
Три - 200 1. - 22 мая/90
Пастернака - с 7.
в Третьяковке

Немцы питают к семье Пастернаков особый интерес за выбор Леонидом Пастернаком Германии как места обитания и творчества. Не меньшую признательность вызывает фигура Бориса Пастернака, сделавшего лучшие в мире переводы Гёте и Рильке. Немецкое посольство в России организовало в дополнение к выставке полотен и рисунков Леонида Пастернака вечер, посвященный поэзии Бориса Пастернака, где присутствовал и выступал его сын Евгений Борисович.

В семье Пастернаков природа явно не хотела отдыхать ни на отца, ни на детей. Леонид Пастернак — великолепный художник, Борис — гениальный поэт. Отец и сын — две гармонии, две стихии. В этот вечер живопись, поэзия, музыка находились в редком единении. Как никогда стало ясно, насколько оба Пастернака близки друг к другу по духу, хотя судьба их разлучила. «Восхищение жизнью и стремление передать трепет жизни — это то, что совершенно едино у моего деда и отца», — сказал Евгений Борисович. И еще одно свойство — важнейшее для всех искусств — *музыкальность*. Недаром художник Леонид Пастернак женился на петербургской консерваторке, ученице Антона Рубинштейна, возлагавшего на нее огромные надежды. Дети росли под сонаты Бетховена и фути Баха, музыка входила в их плоть и кровь. Борис великолепно играл и сочинял и только после долгих колебаний оставил музыку для поэзии, а вернее, перенес *свою* музыку в *свою* поэзию.

Когда Михаил Козаков направился к роялю, стоящему с открытой крышкой на сцене конференц-зала Третьяковской галереи, публика не ожидала от него исполнения фортепьянных произведений. Скорее вспомнился один из известных чтецов Московской филармонии, который просил ставить на сцену рояль с открытой крышкой для «создания поэтической атмосферы». К счастью, рояль звучал в этот поэтический вечер не реже, чем патетический баритон самого Козакова. Владимир Рябов играл Брамса, Листа, Бетховена и Шопена. Играл он так, как хотели бы, наверное, авторы, потому что Рябов прежде всего большой композитор. Для него на первом плане — идея, образ, а не виртуозный антураж. К сожалению, только в заключение прозвучала его собственная музыка — пьеса из цикла «Послание к поэту».

Виктория Ганчикова,
 для «Новых Известий».